

ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 321.6/.8, 32.019.51, 32:316.77
DOI: 10.17223/1998863X/60/16

С.В. Володенков, С.Н. Федорченко

ЦИФРОВИЗАЦИЯ СОВРЕМЕННОГО ПРОСТРАНСТВА ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ КОММУНИКАЦИЙ: НАУЧНЫЕ КОНЦЕПЦИИ, МОДЕЛИ И СЦЕНАРИИ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ
в рамках научного проекта № 20-111-50445.

Проводится обзор научных концепций, моделей и сценариев, связанных с цифровизацией современных общественно-политических коммуникаций. Рассмотрены подходы к определению особенностей и содержания влияния цифровизации на трансформацию общественно-политических практик. Представлены научные позиции относительно роли цифровых технологий в современных процессах воздействия на массовое сознание. Показаны вызовы национальному суверенитету в условиях технологических трансформаций.

Ключевые слова: цифровизация, массовое сознание, общественно-политическая коммуникация, цифровая власть, социотехническая реальность.

Интенсивное внедрение в актуальную политическую практику цифровых технологий вызывает необходимость изучения исследователями вопроса о том, каковы содержательные, структурные и функциональные измерения изменений, вызванных проникновением цифровых технологий в современные политические процессы, в параметрах функционирования существующих государств и обществ. Помимо этого, крайне важным представляется исследование и анализ результатов воздействия современных цифровых информационно-коммуникационных технологий на традиционные институты власти, а также определение потенциала влияния технологий цифровой коммуникации на трансформацию политической системы и институтов власти государства в среднесрочной перспективе.

Другим важным для нас исследовательским вопросом является определение векторов влияния цифровизации: стимулирует ли появление и широкое распространение новых типов цифровых технологий формирование и развитие новых типов общественно-политического устройства либо же государство лишь использует новые технологические возможности для обеспечения эффективности процессов политического управления в современных условиях, сохраняя и поддерживая потенциал традиционных политических режимов; каково взаимовлияние новых цифровых технологий и институтов политической власти в настоящее время; какие вызовы, угрозы и риски порождают актуальные процессы цифровизации общественно-политической сферы технологически развитых государств; насколько современные модели

политического управления позволяют эффективно адаптировать традиционные политические системы к интенсивным парадигмальным и технологическим изменениям в цифровом пространстве.

Проблемы сохранения государственного суверенитета и защиты прав личности в условиях цифрового общества, новые технологии политического управления, трансформация субъектов политики, возрастающая роль когнитивного программирования субъективной реальности, новые технологии информационного воздействия и взаимодействия, формирование негативных сценариев общественно-политического развития в условиях цифрового неравенства и глобального цифрового контроля, возможность формирования общества цифрового паноптикума, в рамках которого политический контроль над гражданами осуществляется со стороны политических элит на основе использования сбора и анализа цифровых следов пользователей в цифровом пространстве, – лишь краткий перечень тех проблем, с которыми сталкиваются современные политическая теория и практика.

Методологическая оптика

Процедура и методы исследования основаны на дискурс-анализе научных работ (статей, монографий), посвященных общественно-политическим аспектам цифровизации и ее роли в функционировании современных институтов власти, а также критическом анализе предлагаемых современной политической наукой подходов к изучению и пониманию феномена цифровизации. При этом дискурс-анализ, как основная методологическая оптика, использовался с учетом принципов герменевтики сложившихся научных подходов, что позволило уточнить каузальную сторону – специфику интерпретации разными учеными схожих проблем цифровизации. В свою очередь, критический анализ используемых учеными дефиниций позволил выявить базовый рабочий аппарат, необходимый для дальнейших междисциплинарных исследований.

В результате рассмотрения существующих концепций и их классификации фундаментально ориентированные теоретические концепты были отделены от прикладных моделей и сценариев развития политических процессов. Обзор специализированной литературы был структурирован по принципу «концепция – модель – сценарий» и посвящен трем важным вопросам: а) влияет ли форсированная цифровизация на трансформацию политических институтов и практик? б) какие цифровые технологии становятся доминирующими в воздействии на массовое сознание? с) что происходит с государственным суверенитетом и национальной безопасностью в условиях цифровизации?

Особенности и содержание влияния форсированной цифровизации на трансформацию политических институтов и актуальных общественно-политических практик

При анализе данного вопроса нам представляется необходимым рассмотреть базовые концепции, способные обозначить каузальные механизмы цифровизации общественно-политических коммуникаций, а также стоящих в их основе политических институтов и практик. Представляется возможным начать обзор с концепта «машины власти» отечественного исследователя

И.А. Исаева. В рамках предложенной Исаевым схемы по мере развития технологий правящее в обществе меньшинство постепенно стало формировать единообразные и всеохватные структуры, нацеленные на автоматизацию работы людей – «машины власти». При этом цифровые технологии черпают свою основу в глубоком прошлом, так как смыслом цифры является создание структуры через понятный язык власти – обозначение ранга, уровня, степени. Другими словами, как это ни парадоксально, предпосылки для цифровизации появились задолго до эпохи интернета [1. С. 5–10].

Однако мнения ученых по поводу влияния форсированной цифровизации (в том числе произошедшей из-за пандемии COVID-19) на политический универсум неоднозначны. С одной стороны, есть довольно скептические оценки, отрицающие кардинальные цифровые изменения [2. С. 7, 135] и признающие ее включенность в уже сложившуюся систему принуждения – «индустриального авторитаризма». С другой – в рамках концепции цифровой трансформации есть определенная сосредоточенность разных авторов на институте государства и его переходе на сервисную модель отношений с гражданами, удовлетворения их потребностей в условиях парадигмы e-government [3, 4]. Описываемые идеи имеют прямое отношение к теории государства как платформы, предложенной Т. О’Рейли. Между тем, по мнению В.Л. Сморгунова, эта идея обладает чрезмерным технологическим оптимизмом: цифровые платформы, в отличие от традиционных правительственных порталов, могут не только быть репрезентантами государства, но и иметь прямое отношение к возникновению на их основе практик гражданской активности со всеми вытекающими последствиями [5]. Возникает сетевой эффект гибридации публично-политического и государственного.

Наилучший анализ сетевых эффектов провел в своей монографии Н. Срничек. Согласно его концепции, современный капитализм характеризуется превращением информационных данных в стратегический ресурс растущего типа фирм (Facebook, Google, Uber, Amazon и др.), создающих цифровые платформы [6. С. 37–45, 98]. Те, в свою очередь, позволяют коммуницировать гражданам между собой и порождают сетевые эффекты (которые привлекают на эти площадки все большее число пользователей, создают системы зависимости пользователей, превращают эти фирмы в монополии). Сетевые эффекты – не просто каузальный механизм цифровизации, он переплетается с теми явлениями, которые М. Кастельс постарался объяснить сетевой теорией власти. Кастельс пишет о следующих возникших феноменах: «сетевой власти» (власти субъектов организаций, включающая / исключая объекты в сеть), «власти сети» (зависимость коммуникации и глобализации от стандартов сетевых акторов), «власти в сети» (конкретная власть в сети одних акторов над другими) и «сетесозидающей власти» (способность акторов программировать сети под свои цели и ценности) [7].

Г.Л. Акопов вводит дефиницию «сетевой политики», подразумевающей борьбу партийных элит за власть в социуме с помощью информационно-коммуникационных сетей [8. С. 98]. Подобная концепция хорошо объясняет феномен возникновения цифровых партий, о которых все больше говорят зарубежные политологи [9, 10]. Из-за растущего недоверия общества к деятельности классических партий последние стали эволюционировать в цифровые, предоставляя гражданам большие возможности участия в публичной

политике через разнообразные ресурсы и приложения и становясь похожими на быстро растущие «компании-единороги», поглощающие данные. Цифровизация создала разнообразную цифровую экосистему, позволяющую партиям расширить целевые аудитории.

Принципиальное отличие цифровизации относится к появлению цифровых (новых) медиа, которые оказывают существенное воздействие на политические механизмы. Л. Манович в своей концепции цифровых медиа поясняет их отличия цифровой репрезентацией (программируемость), модульностью (фрактальным характером составляющих их элементов – пикселей и т.п.), автоматизацией, вариативностью, транскодингом (переводом в другие форматы с последующим воздействием на культуру) [11. С. 61–82]. В связи с этим П.Е. Родькин выдвигает примечательный тезис – медиа превращаются в социального оператора существующих субъектов власти, участвуя в сборе больших данных, автоматизации контроля, создании ложных идентичностей и псевдосубъектов, вытесняя массы в виртуальное пространство, сохраняя прерогативу на реальность за представителями элиты [12. С. 61–63]. Этот тезис органично перекликается с концепцией цифровых толп Г. Кёхлера, перечисляющего следующие предпосылки возникновения этого явления: интерактивность, коллективную ментальную реальность, анонимность в сети, «эффект снежного кома», волатильность и т.п. [13]. Появление спонтанных цифровых толп уже фиксируются на уровне виртуальных протестов во время пандемии COVID-19 [14].

Дж. Дин в рамках своей концепции коммуникативного капитализма еще до форсированной цифровизации писала о формировании цифрового пролетариата и новых видов эксплуатации на макроуровне и практик кликтивизма на микроуровне [15], отмечая при этом, что большие данные превращаются в новый ресурс власти наподобие нефти. Перечисленные тренды ряд авторов часто пытаются интерпретировать через концепцию медиакратии, предполагающей сращение политических и медийных институтов при наделении новых медиа важной ролью посредника в политико-коммуникационной сфере [16, 17]. Это сращение можно объяснить развиваемой Д. Биром концепцией социальной власти алгоритмов. Он подчеркивает, что, хотя алгоритмы и позиционируются как некая нейтральная основа современных решений, они все же начинают играть большую роль в процессах социального упорядочивания, фильтрации, поиске информации, становятся самым механизмом власти [18].

Какие же прикладные модели предлагают ученые в качестве ответа на вызовы цифровизации политики, объясняемые в приведенных выше концепциях? В первую очередь, важны идеи Г. Ловинка о новой социотехнической среде конструирования современной политической реальности. Он критикует коммерческий характер популярных сетей (Facebook и др.), влияющий на политические процессы и эксплуатирующий «слабые связи» граждан с целью поглощения данных. В своей модели организационных сетей (оргнетов) он призывает сегодняшнее техническое признать новым социальным, ратует за создание коммуникаций на новых принципах открытой архитектуры коллаборативных платформ и «сильных связей», нацеленных не на создание событий, а на конкретные задачи и решения [19. С. 264–280]. При этом С. Коулман полагает, что любые цифровые решения бессмысленны для совершенствования политики без просвещения граждан, выдвигая модель замедления демократии,

основанной на принципах делиберации [20. С. 90–91]. В ней он раскрывает идею создания специальных цифровых платформ, где гражданин смог бы обучиться демократическим навыкам, ознакомиться с хронологией голосования, комментировать парламентские действия, создавать политические новостные ленты, следить за конкретной работой политиков, выдвигать свои предложения и т.п. Как и Ловинк, Коулман придерживается идеи открытых исходных кодов новых платформ. Схожие предложения по поводу общественных платформ и открытых кодов есть и у Н. Сничека [6. С. 112–113].

П. Химанен же в своей модели информационализма, отталкиваясь от концепции М. Кастельса, идет еще дальше, концентрируясь на необходимости заимствования гражданами хакерской этики для совершенствования политической коммуникации – создания «Сетевой академии», где ученики постоянно перенимают роль учителей, формируя демократическую сетевую среду передачи полезного опыта [21. С. 92]. Кроме того, появляются весьма инновационные модели, показывающие, каким образом граждане могут использовать технологии искусственного интеллекта, государственные открытые данные и репозитории на базе открытого исходного кода для расширения своего политического участия [22].

Говоря о сценариях цифровизации, в своем прогнозе Р. Барбрук, опираясь на принцип экстраполяции (отмечая тренд препятствования участниками сетей коммодификации интеллектуального труда), показывает довольно оптимистическое цифровое будущее на основе экономики дарения. Барбрук уточняет, что конвергенция разных технологий вокруг цифровых форматов, открывшиеся коммуникационные возможности коллективного поведения, совместной работы, проектов, обмен информацией в виде даров создают условия для перехода общества в сторону киберкоммунизма [23. С. 89–110], хотя автор и называет процессы, препятствующие этому. Другие авторы менее оптимистичны в своих сценариях, наоборот, отмечая футурологические угрозы, исходящие от технологий искусственного интеллекта: усиление социальной зависимости человека от машин, неравенства, рост безработицы, появление квазирелигии, глобального тоталитаризма, цивилизационных войн, подавление иррациональной и эмоциональной сферы [24]. Есть неутешительные прогнозы появления всепроникающего государства (Holographic State), которое получит абсолютный контроль над всеми коммуникациями [25].

В свою очередь, Б. Барбер задаваясь в своей работе [26] вопросом, сможет ли традиционная демократия выжить условиях технологических трансформаций, также выделяет три возможных сценария: а) сценарий Панглосса, в рамках которого технологии используются обществом неосмысленно, без беспокойства о возможных последствиях. Однако «в лучшем случае рынок не будет делать для новых технологий ничего, что не имело бы очевидной коммерческой выгоды или отдачи в сфере развлечений или с точки зрения корпоративных интересов, и что в худшем случае, он расширит те виды использования, которые подрывают равенство и свободу» [26. С. 580]; б) сценарий Пандоры, являющийся наиболее пессимистичным и несущим прямую угрозу демократии, так как правительства могут использовать технологии с целью стандартизации, контроля и репрессий. Здесь Барбер вводит понятие «мягкая тирания», которая «овладевает сердцами и умами через контроль над информацией и коммуникацией» [26. С. 580], а новые технологии, по его мнению,

расширяют возможности мягкого контроля и дают государству инструменты косвенного наблюдения и контроля, которые не были известны ни одной из традиционных диктатур; в) сценарий Джефферсона, в рамках которого высказывается осторожный оптимизм относительно возможности использования современных информационно-коммуникационных технологий для развития демократии и содействия включению граждан в осмысленное политическое участие. Однако тут же Барбер пишет о том, что в случае неконтролируемой технологизации государства и общества «технология способна лишь воспроизводить слабые стороны политики», а активное участие в политическом процессе чревато для населения рисками политического надзора и контроля, а также тирании. Таким образом, Барбер показывает, что современные технологии могут выступать эффективным инструментом подавления прав и свобод людей [26. С. 587].

Итак, большинство объяснительных концепций, а также наличие прикладных моделей свидетельствуют, что цифровые риски, угрозы и вызовы в сфере трансформации политических институтов и практик – не голословное утверждение. Об этом же свидетельствуют и предлагаемые учеными потенциальные сценарии технологического развития.

Цифровые технологии в процессах воздействии на массовое сознание

Австралийский исследователь С. Маккуайр в рамках своей концепции геомедиа детально изучает усиливающееся переплетение городского пространства с цифровыми технологиями (платформами, экранами второго поколения, машинным зрением, оперативными архивами и т.п.). По его мнению, цифровые технологии расширяют свою многообразную палитру в условиях развития идеи «умного города», когда начинается конструирование порядка нового типа, а само городское пространство оцифровывается в данные. Маккуайр обращает внимание на рост желания властей и коммерческих компаний отслеживать и контролировать передвижение горожан из-за увеличения мобильности и неоднородности населения [27. С. 43–68, 159]. Публичное взаимодействие граждан становится по своей природе социотехническим и все больше попадает в зависимость от автоматизированных систем, которым они предоставляют свои персональные данные.

Цифровые технологии воздействия на массовое сознание отрабатываются и на базе популярных сообществ сетевых коммуникаций. Некоторое сходство с теорией гейткипинга, развиваемой в работах М. Кастельса, приобретает концепция сетевой публичной политики И.В. Мирошниченко. Автор данной концепции полагает, что управление сетевыми сообществами происходит в формате распределения ролей между Ф-политическими пользователями: «фильтров» (активных интернет-журналистов), «функционеров» (создателей и модераторов сообществ), «фанатиков» (сторонников либо противников каких-либо политических субъектов) и «фейерверков» (создателей значимого сетевого, в том числе и политически привлекательного контента, например мемов) [28. С. 153–158]. Эти сообщества в сетевой структуре современных общественно-политических коммуникаций становятся генераторами новой политической микроидеологии, которую исследователи уже фиксируют на уровне технологий мемификации и хэштегирования.

Так, отечественные специалисты рассматривают политические интернет-мемы как реакцию активных пользователей на политические события. Политические мемы, как коды новой микроидеологии, обладают семиотической природой, несут месседж, привлекая аудиторию к серьезным политическим темам своей «смеховой упаковкой» и глубокими архетипическими смыслами [29. С. 243]. Схожей функцией обладают и политические хэштеги, одновременно обладая свойством гиперссылки. С. Джефферес хорошо проанализировал практики управления массовым сознанием через хэштеги на примере британских властей [30].

Г. Ловинк рассматривает в рамках своей концепции герменевтики интернет-комментария роль данного элемента формирующихся микроидеологий. С одной стороны, Ловинк отмечает функцию культуры комментария как «вечно работающей машины», с другой, – напоминает, что интернет-комментирование стимулирует трафик, влияя на выручку цифровых компаний [19. С. 161, 171–172]. Такого рода функции софта могут отключаться и включаться, тем самым влияя на массовое сознание и формируя социальный порядок. Важно подчеркнуть, что техники интернет-комментирования, мемификации и хештегирования вполне объяснимы и с точки зрения концепции цифровой стигматизации, когда анализируется процесс навешивания ярлыков политическими субъектами на своих конкурентов [31].

Популярность набирают исследовательские области, связанные с изучением технологий Big Data (концепция «big data revolution»), микротаргетирования и искусственного интеллекта [32–34]. Скорее всего искусственный интеллект, нейронные сети и связанные с ними алгоритмы – это то технологическое ядро, которое будет определять вектор цифровизации политики и архитектуру инновационных форм политического воздействия на гражданина в ближайшие десятилетия. Отдельно следует отметить направление, ориентированное на анализ технологий социальных ботов (астротурфинг как технология формирования ложного мнения, пропаганды провластного мнения, конструирования ложных лидеров мнения) [35].

Если перечисленные концепции актуализируют и пытаются объяснить смысл новых цифровых манипуляций, то ряд практически ориентированных моделей нацелены на профилактические меры. Например, не так давно разработана отечественная эпидемиологическая модель анализа и противодействия деструктивному контенту, рассматривающая его в терминологии информационной диффузии, инфицирования и инъекции социальной сети [36]. Модель коммуникации раннего предупреждения в своей книге предлагает Д. Кин, между тем он оговаривается, что предупреждать граждан о рисках политических авантюр, проектов невозможно без свободы коммуникации [37. С. 304].

Ряд других зарубежных авторов больше интересуется разработкой новых алгоритмов, способных идентифицировать опасные фейки, а также предполагать особые аффордансы – элементы интерфейса, препятствующие радикализации дискурса и подсказывающие гражданину, как он может принять участие в обсуждении политических проблем [38]. Краудсорсинговая модель публичной политики схожа с делиберативной моделью С. Коулмана, предполагая в качестве подхода к совершенствованию коммуникации активизацию и консолидацию сетевого гражданского общества посредством политического обучения на цифровых платформах [28. С. 237–239].

В своих сценариях эволюции цифровых манипуляций авторы часто отталкиваются из трендов развития практик умного города. Прогнозируется ускорение развития техник персонализации и профилирования данных гражданина, что связано с рядом причин: во-первых, разработки в сфере дронов, роботов и специальных алгоритмов инициируются властями и связанным с ними бизнесом на предупреждение гражданских беспорядков и протестов; во-вторых, некоторые авторы склонны рассматривать будущего гражданина не как индивида, а как «городского киборга», все больше попадающего в запутанную зависимость от социотехнической системы города [39].

Как правило, такие сценарии опираются на концепцию дромологии П. Вирильо. Киборгизация задает угрозы не только цифрового, но и социального неравенства, экзистенциальные риски разделения человечества на враждующие лагеря элиты и отверженных [40. С. 345–346]. Критики трансгуманистических проектов трансформации человека в некий аватар опасаются того, что такого рода проекты просто создадут тоталитарную систему нового типа [41]. Другие авторы [42] допускают, что искусственные агенты могут в будущем вообще заменить политтехнологов, которые раньше были ответственны за разработку приемов манипулирования общественным сознанием.

Государственный суверенитет и национальная безопасность в условиях цифровизации

Цифровизация вносит свои коррективы и в известную политологам тему государственного суверенитета. Проблема заключается в том, что классические признаки суверенитета, перечисленные в свое время Ж. Боденом, стали терять свою незыблемость в XXI в. и до наступления форсированной цифровизации. Теперь развивается международное право, межгосударственные союзы и образования (ЕС, НАТО, ЕАЭС, ШОС и т.п.), транснациональные корпорации активно вмешиваются в суверенную политику государств и даже пытаются навязывать им свои правила. Цифровизация обострила и ускорила уже начавшиеся тренды. Конечно, полностью не теряет свою значимость тезис К. Шмитта, согласно которому суверенен тот, кто способен принять решение о чрезвычайном положении, однако существующие примеры внешнего давления через финансовые и международные институты вовсе не исключают рисков оспаривания внутренней государственной политики. Дж. Дин эти процессы объясняет в своей концепции парцелляции суверенитета, когда традиционно принадлежащие государству функции начинают вертикально и горизонтально фрагментироваться, приспособляясь к интересам неофеодалов – крупных цифровых компаний (Microsoft, Apple, Facebook, Amazon и др.) [43]. К примеру, корпорация Google в январе 2021 г. стала угрожать Австралии отключить ей поисковую систему в ответ на местный закон, обязывающей ее платить массмедиа за использование новостей. Агрессивное вмешательство компании в дела целой страны актуализирует проблематику национальной безопасности в условиях цифровой среды.

Российские авторы, как и зарубежные, также отмечают недостаточность прежних теорий для всестороннего изучения рисков и возможностей суверенитета страны, все больше предпочитая размышлять об этом аспекте в рам-

ках концепции информационного суверенитета, которая выходит за территориальные и нормативные границы прежних схем, и концентрируется на проблематике контролирования властью информационных потоков стране. С ней перекликается концепция суверенитета данных (data sovereignty), обосновывающая важность зависимости процедур обработки данных от юрисдикции конкретной страны. А.А. Ефремов пишет, что важным компонентом для современного суверенитета выступает возможность регулирования информационных отношений в границах определенного информационного пространства [44]. Открывшуюся проблему о цифровом суверенитете отдельные авторы увязывают с известной полемикой о соотношении безопасности и свободы в цифровом мире, а также сопоставляют с дискуссией между сторонниками наращивания цифрового суверенитета и критиками рисков нового авторитаризма [45].

Запрос на концептуализацию темы цифрового суверенитета возникает в условиях возникновения войн нового типа – информационных. Известный специалист в области коммуникативных технологий Г.Г. Почепцов раскрывает важные последствия волн внутренней иммиграции, спровоцированных интернетом. В своей концепции информационных войн он объясняет, что современное государство сталкивается со следующими вопросами сетевого характера [46]: стратегическим и тактическим управлением массовым сознанием, формированием и сохранением конкретной картины мира, управлением информационной повесткой дня, управлением альтернативными мнениями, удержанием альтернативы от информационного мейнстрима (например, оппозиционного). Информационные войны ведутся за изменение поведения, интерпретации фактов, идентичности, ценностей и видны на примере информационного империализма. Последнюю тему досконально разбирает в своей концепции медиаимпериализма О. Бойд-Барретт. Он считает существующие медиаконгломераты агентами нового типа империализма, которые нуждаются в оправдывающих его экспансию нарративах. Кроме медийной поддержки Бойд-Барретт выделяет и другую форму медиаимпериализма – проникновение СМИ влиятельных государств на рынки менее влиятельных государств [47. С. 29, 209].

В своих работах О. Бойд-Барретт учитывает и другие исследования – «Производство согласия» Э. Хермана и Н. Хомского, «Массовая коммуникация и медиаимперия» Г. Шиллера, а также труд Г. Инниса «Империя и коммуникация». Иннис выступил с гипотезой о связи массовой коммуникации, пространства и времени, признавая, что каждая эпоха развития человечества сталкивается с проблемой монополизации медиа со стороны политической элиты [48]. Приведенная мозаика теорий отлично складывается в новое концептуальное направление – изучение цифровой геополитики, имеющиеся работы по этой тематике подтверждают, что традиционное соперничество политических акторов перешло в плоскость борьбы за информационное пространство. Информационная составляющая новой геополитики заставляет пересмотреть факторы национальной безопасности классического государства, используя дефиниции информационной структуры, геоинформационного противостояния, геокультуры, информационной экспансии [49]. Однако в рамках концепции глокализации судьба суверенитета государства и национальной безопасности выглядит не так однозначно. Цифровизация – это

амбивалентный процесс, в котором сочетается и сетевая глобализация с феноменом цифровой империи, и локализация, сохраняющаяся на базе социальных образований [50]. Концепция глокализации утверждает, что на смену государства приходит не единое глобальное общество, а совокупность разнообразных сетевых социумов. Ей вторят исследования, фиксирующие появление всевозможных режимов фильтрации данных на национальном уровне [51].

Модели, внедряемые учеными в академический дискурс, также довольно примечательны. Д.С. Жуков в своей модели политического интеллекта не только анализирует концептуализированную П. Немитцем «концентрацию цифровой власти» (digital power concentration), но и предполагает, что достижение справедливости в современном обществе возможно только при национализации (что не равно огосударствлению) платформ-агрегаторов, благодаря которым производится сбор, обработка, хранение и передача самой разной информации. Также Жуков не исключает суверенизацию и формирование локальных зон интернета с политическим искусственным интеллектом в качестве ответа национальных государств цифровым компаниям [52]. Иной подход предлагает модель независимости информационных ресурсов. Главный ее тезис – грамотная политика импортозамещения и защита государства от рисков монополизма таких цифровых гигантов, как Microsoft, в области управления базами данными [53]. С этим тезисом сходна и модель информационного потенциала государства, подразумевающая создание технических средств и систем, удовлетворяющих задачи государства в сборе, анализе и систематизации важной информации, предполагающая проведение независимой информационной политики и формирование экономически невыгодных условий для обхода установленных государством блокировок [54].

Некоторые модели имеют мультизадачный характер. К примеру, В.В. Бухарин справедливо отмечает, что для достижения информационного цифрового суверенитета недостаточно работы в сегменте разработки национального программного обеспечения [55]. Стратегически важное значение приобретает импортозамещение в сфере микропроцессоров, криптографических систем и алгоритмов защиты данных, глобальных навигационных систем. Все эти предлагаемые меры нацелены на преодоление фрагментарности и неравномерности развития компонентов цифрового суверенитета. Для предотвращения рисков цифрового тоталитаризма, как обратной стороны укрепления цифрового суверенитета, иногда предлагается усиление полномочий судебной системы в плане проверки цифровых проектов исполнительной власти [56]. Но это нереально без подключения законодательной власти к комплектованию и защите судов.

С. Маккуайр придерживается иной позиции. В своей модели создания культуры публичной корректности (public civility) он, наоборот, видит в глобальных медиа не только риски, но и потенциальные возможности защиты демократических прав гражданина [27. С. 180–191, 205]. Модель Маккуайра поощряет политическое взаимодействие между незнакомыми людьми посредством провокаций – цифровых платформ и арт-проектов, привязку медиазданий (медиафасадов), больших экранов второго поколения к ритму публичной жизни. Целью этих комплексных мер объединения цифровых технологий, искусства и публичной политики является создание механизма

обучения граждан демократическим практикам. Этот современный подход во многом дополняет модель мониторинной демократии и модель трансграничной публики [37. С. 86, 114–115], хотя, к сожалению, в основном обходит проблематику цифрового суверенитета и рисков цифрового империализма.

В современных сценариях развития данного феномена намечается обсуждение определенной развилки: или переход в сферу однополярного доминирования цивилизации Запада с ростом влияния когнитивного и цифрового колониализма в отношении незападных политических режимов, или развитие глокализации с усилением цифровых политических общин, движений и формированием партисипаторной демократии, или складывание многополярного порядка с параллельным усилением цифрового суверенитета конфликтующих, но все же сохранившихся национальных государств, обратной стороной чего станет возникновение цифрового тоталитаризма [45].

Предпосылками цифрового тоталитаризма авторы видят тотальную биометризацию данных граждан не только на уровне национальных государств, но и на практике международных организаций (с конца 2016 г. запущена специальная программа Интерпола по распознаванию лиц преступников, которая не исключает нарушения прав и свобод других людей). Риски цифрового тоталитаризма видятся учеными и в намечающемся противоречии между ответственностью государства (преображающегося в цифровое) по обеспечению конфиденциальности и ориентацией того же государства на контролирование политической активности людей [56]. Появляющийся конфликт безопасности и демократической свободы чреват формализацией, алгоритмизацией механизмов разрешения различных споров в ущерб эмоциональной природе человека и политики. Бесконечные измерения, рейтинги и системы отчетности превращают гражданина в объект цифрового контроля – цифру.

Н. Срничек и А. Уильямс в своем прогнозе наступления посттрудового будущего наметили четыре сценария: неоколониальный и расистский мир (усиление института национальных границ), экологическая катастрофа (переход к посттрудоному будущему ограниченного числа стран при широкомасштабной автоматизации), мизогинный вариант (гендерная диспропорция при минимальной автоматизации женского домашнего труда), левоориентированное посттрудоное будущее (стремление государств к открытым границам и обеспечению своих граждан всеобщим базовым доходом, сокращение неоплачиваемого труда). Авторы видят оптимистические возможности цифровизации в следующем настоящем тренде – снижение числа лиц, контролируемых автоматические процессы, не исключает того, что от их забастовок не коллапсируют существующие капиталистические производства [57. С. 249, 267–269].

Л. Флориди, признавая за цифровым суверенитетом (искусственный интеллект, управление данными, доменными именами, 5G и др.) корпоративную природу, размышляет о нескольких направлениях его эволюции на примере Европейского союза. В варианте «полностью связанной» топологии сети распределенная легитимность ЕС формируется из группы национальных суверенитетов, подкрепленных народными суверенитетами. Флориди считает это просто сильной сетью национальных государств вестфальского типа. При

варианте сетевой топологии «звезда» народный суверенитет находится в центре (создаст централизованную легитимность), легитимируя национальный и наднациональный суверенитеты и трансформируя вестфальский тип государства до уровня федеративной структуры [58]. Но, по оценке Флориды, такой сценарий войдет в противоречие с националистически настроенными гражданами. Не исключен и гибридный вариант трансформации цифрового суверенитета.

Заключение

Проведенный дискурс-анализ разных концепций, моделей и сценариев цифровизации общественно-политических коммуникаций позволяет сделать вывод о том, что известная нам социальная реальность стремительно эволюционирует в новую, социотехническую реальность (фиджитал-мир). Скрепляет феномен социотехнической реальности и развитие исследований и разработок в области интернета вещей (IoT), который решает насущную проблему осмысления человеком все более усложняющейся архитектуры данных. Во-первых, интернет вещей предполагает взаимодействие человека с различными устройствами посредством огромного многообразия датчиков, компьютерных систем и устройств. Во-вторых, для облегчения сбора и первичного анализа информации, создаваемой этими системами, человек уже может пользоваться интеллектуальными ботами, способными более эффективно взаимодействовать с разными устройствами посредством программных алгоритмов [59]. Возникает тонкий фронтир между классической субъектностью, гибридной субъектностью интерфейса «человек-бот» и самокоммуникацией между самими компьютерными системами и интеллектуальными ботами без вмешательства человека.

Есть объективные предпосылки стремления исследователей развивать это направление. И это связано не только с коммерциализацией повседневной коммуникации и манипулятивными политическими технологиями. Например, существуют работы, авторы которых приходят к выводам, что современные недостатки ботов на базе искусственного интеллекта могут исправить системы, включающие взаимодействие человека с несколькими ботами одновременно. Это, по мнению исследователей, приблизит коммуникацию к более реальной, похожую на межчеловеческую [60]. Конечно, такое направление не снимает вопроса о дальнейшей трансформации подобного рода интеллектуальных систем из целого роя ботов через принципы машинного обучения. Что будет, если такие бот-системы станут постоянно общаться с аналогичными сетевыми структурами без человека? Возникает проблема нового типа промышленного и межгосударственного шпионажа, конфиденциальности биометрической информации, сохранения государственного суверенитета, а также провокации информационных войн, дискредитации образов политиков, партий и целых стран.

К. Альбрехт описывает свой рецепт совершенствования межсубъектных отношений в рамках концепции «социального интеллекта» [61], который предполагает, что участники коммуникации должны демонстрировать антропоморфизм (сходство с человеком), прозрачность своих намерений в отношении человека и человеческое поведение. Логично предположить, что уже в ближайшее время политические партии и политические лидеры

будут заказывать разработку подобных интеллектуальных ботов (или даже целых их роевых систем), которые станут собирать и анализировать для их избирательных штабов цифровые следы представителей целевых групп, а также коммуницировать с самими избирателями, отвечая антропоморфным требованиям социального интеллекта. Граждане также в будущем смогут приобретать для себя более умные репрезентанты в киберпространстве – цифровые аватары для облегчения собственной коммуникации во все более заполняющимися непроверенной информацией и фейками информационном поле. Такие тренды уже угадываются при создании интерфейсов интеллектуальных агентов. Разработчики, как правило, стараются сделать такой интеллектуальный бот, который бы не вызывал отторжения у человека при разговоре [62].

Активное использование данных разработок при создании архитектуры новой социотехнической реальности, основанной на доминировании цифровых технологий коммуникации в ключевых сферах жизнедеятельности современного государства и общества, может иметь весомые последствия, в связи с чем нам представляется важным дальнейшее изучение феномена цифровизации в условиях глобальных технологических трансформаций, происходящих сегодня в мире.

Литература

1. Исаев И.А. «Машина власти» в виртуальном пространстве (формирование образа). М. : Проспект, 2021. 384 с.
2. Сафронов А.П. Индустриальный авторитаризм: порядок социального принуждения. М. : Алгоритм, 2018. 384 с.
3. Hanna N. A role for the state in the digital age // Journal of Innovation and Entrepreneurship. 2018. Vol. 7. P. 1–16. DOI: 10.1186/s13731-018-0086-3
4. Mergel I., Edelmann N., Haug N. Defining digital transformation: Results from expert interviews // Government Information Quarterly. 2019. Vol. 36, is. 4. DOI: 10.1016/j.giq.2019.06.002
5. Сморгунов В.Л. Партиципаторная государственная управляемость: платформы и сотрудничество // Власть. 2019. Т. 27, № 5. С. 9–19. DOI: 10.31171/vlast.v27i5.6712
6. Срничек Н. Капитализм платформ / пер. с англ. М. Добряковой: 2-е изд. М. : Изд. дом ВШЭ, 2020. 128 с.
7. Castells M. A Network Theory of Power // International Journal of Communication. 2011. Vol. 5. P. 773–787.
8. Акопов Г.Л. Интернет и политика. Модернизация политической системы на основании инновационных политических интернет-коммуникаций. М. : КноРус, 2014. 238 с.
9. Dommett K., Kefford G., Power S. The digital ecosystem: the new politics of party organization in parliamentary democracies // Party Politics. 2020. February. P. 1–11. DOI: 10.1177/1354068820907667
10. Gerbaudo P. The Digital Party: Political Organization and Online Democracy (Digital Barricades). London : Pluto Press, 2018. 240 p.
11. Манович Л. Язык новых медиа. М. : Ad Marginem Press, 2018. 400 с.
12. Родькин П.Е. Медиа и социум. Три попытки вскрыть субъект власти: критический очерк. М. : Совпадение, 2016. 72 с.
13. Кёхлер Г. Новые социальные медиа: шанс или препятствие для диалога? // Полис. Политические исследования. 2013. № 4. С. 75–87.
14. Bodrunova S.S. Contributive action: socially mediated activities of Russians during the COVID-19 lockdown // Media international Australia. 2020. Vol. 177, № 1. P. 139–143. DOI: 10.1177/1329878X20953536
15. Dean J. Communicative Capitalism and Class Struggle // Spheres: Journal for Digital Cultures. 2014. № 1. P. 1–16.
16. Meyer T. Mediokratie: Die Kolonisierung der Politik durch die Medien. Frankfurt am Main : Suhrkamp, 2001. 232 p.

17. Соловьев А.И. Политический дискурс медиакратий: проблемы информационной эпохи // Полис. Политические исследования. 2004. № 2. С. 124–132. DOI: 10.17976/jpps/2004.02.12
18. Beer D. The social power of algorithms // Information, Communication & Society. 2017. Vol. 20, is. 1. P. 1–13. DOI: 10.1080/1369118X.2016.1216147
19. Ловинк Г. Критическая теория интернета. М. : Ad Marginem Press, Музей современного искусства «Гараж», 2019. 304 с.
20. Коулман С. Может ли Интернет укрепить демократию? : пер. с англ. СПб. : Алетейя, 2018. 132 с.
21. Химанен П. Хакерская этика и дух информационализма. М. : АСТ, 2019. 256 с.
22. Savaget P., Chiarini T., Evans S. Empowering Political Participation through Artificial Intelligence // Science and Public Policy. 2019. Vol. 46, is. 3. P. 369–380. DOI: 10.1093/scipol/scy064
23. Барбрук Р. Интернет-революция. М. : Ad Marginem Press, 2015. 128 с.
24. Багдасарян В.Э., Балдин П.П. Перспективы развития искусственного интеллекта в актуальной повестке политических и социальных рисков глобальных трансформаций // Журнал политических исследований. 2020. Т. 4, № 2. С. 10–22. DOI: 10.12737/2587-6295-2020-10-22
25. Witt M.T., Haven-Smith L. de. Conjuring the Holographic State: Scripting Security Doctrine for a (New) World of Disorder // Administration & Society. 2008. Vol. 40, is. 6. P. 547–585. DOI: 10.1177/0095399708321682
26. Barber B.R. Three Scenarios for the Future of Technology and Strong Democracy. Political Science Quarterly. 1998. Vol. 113, № 4. P. 573–589. DOI: 10.2307/2658245
27. Маккуайр С. Геомедиа: сетевые города и будущее общественного пространства : пер. с англ. М. : Strelka Press, 2018. 268 с.
28. Мирошниченко И.В. Сетевая публичная политика и управление. М. : Аргамак-Медиа, 2016. 296 с.
29. Шомова С.А. От мистерии до стрит-арта. Очерки об архетипах культуры в политической коммуникации. М. : Изд. дом ВШЭ, 2016. 264 с.
30. Jeffares St. Interpreting Hashtag Politics. Policy Ideas in an Era of Social Media. New York : Palgrave Macmillan UK, 2014. 184 p.
31. Володенков С.В., Федорченко С.Н. Цифровые стигматы как инструмент манипуляции массовым сознанием в условиях современного государства и общества // Социологические исследования. 2018. № 11. С. 117–123. DOI: 10.31857/S013216250002791-3
32. Clark W.R., Golder M. Big Data, Causal Inference, and Formal Theory: Contradictory Trends in Political Science? // PS: Political Science & Politics. 2015. Vol. 48, is. 1. P. 65–70. DOI: 10.1017/S1049096514001759
33. Роговский Е. Выборы в США: успех технологических инноваций // Международная жизнь. 2017. № 3. С. 107–122.
34. Быков И.А. Искусственный интеллект как источник политических суждений // Журнал политических исследований. 2020. Т. 4, № 2. С. 23–33. DOI: 10.12737/2587-6295-2020-23-33
35. Василькова В.В., Легостаева Н.И. Социальные боты в политической коммуникации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2019. Т. 19, № 1. С. 121–133. DOI: 10.22363/2313-2272-2019-19-1-121-133
36. Остапенко А.Г., Паринов А.В., Калашиников А.О. и др. Социальные сети и деструктивный контент / под ред. чл.-корр. РАН Д.А. Новикова. М. : Горяч. линия – Телеком, 2020. 274 с.
37. Кин Дж. Демократия и декаданс медиа / пер. с англ. Д. Кралечкина. М. : Изд. дом ВШЭ, 2015. 312 с.
38. Kuehn K.M., Salter L.A. Assessing Digital Threats to Democracy, and Workable Solutions: A Review of the Recent Literature International // Journal of Communication. 2020. Vol. 14. P. 2589–2610.
39. Sadowski J., Pasquale F. The spectrum of control: A social theory of the smart city // First Monday. 2015. Vol. 20, № 7. DOI: 10.5210/fm.v20i7.5903
40. Емелин В.А. Идентичность в информационном обществе. М. : Канон+ РООИ «Реабилитация», 2017. 360 с.
41. Тищенко П.Д. Россия 2045: котлован для аватара (Размышления в связи с книгой «Глобальное будущее 2045. Конвергентные технологии (НБИКС) и трансгуманистическая эволюция») // Вопросы философии. 2014. № 8. С. 181–187.
42. Томильцева Д.А., Железнов А.С. Неизбежный третий: этико-политические аспекты взаимодействия с искусственными агентами // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). 2020. № 4 (99). С. 90–107. DOI: 10.30570/2078-5089-2020-99-4-90-107

43. Дин Дж. Коммунизм или неофеодализм? // Логос. 2019. Т. 29, № 6. С. 85–116.
44. Ефремов А.А. Формирование концепции информационного суверенитета государства // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2017. № 1. С. 201–215. DOI: 10.17323/2072-8166.2017.1.201.215
45. Нечаев В.Д., Белоконов С.Ю. Цифровая экономика и тенденции политического развития современных обществ // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2020. Т. 13, № 2. С. 112–133. DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-2-6
46. Почепцов Г.Г. Информационные войны. Новый инструмент политики. М. : Алгоритм, 2015. 256 с.
47. Бойд-Барретт О. Медиа-империализм : пер. с англ. Харьков : Гуманитарный центр, 2018. 292 с.
48. Innis H.A. *Empire & Communications*. Toronto : Dundurn Press, 2007. 287 p.
49. Быков А.Ю. Информационная сущность геополитики // Космополис. 2008. № 3 (22). С. 24–31.
50. Игнатьев В.И. Социальные локальности в эпоху информационно-сетевой глокализации // Социологические исследования. 2020. № 7. С. 37–46. DOI: 10.31857/S013216250010024-9
51. Винник Д.В. Цифровой суверенитет: политические и правовые режимы фильтрации данных // Философия науки. 2014. № 2 (61). С. 95–113.
52. Жуков Д.С. Искусственный интеллект для общественно-государственного организма: будущее уже стартовало в Китае // Журнал политических исследований. 2020. Т. 4, № 2. С. 70–79. DOI: 10.12737/2587-6295-2020-70-79
53. Бажанова С.В., Сырямина Н.А. Независимость информационных ресурсов как элемент информационной безопасности государства // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2019. Т. 2, № 3. С. 5–12.
54. Кефели И.Ф., Мальмберг С.А. Информационный потенциал государства как основа информационного суверенитета // Управленческое консультирование. 2019. № 1 (121). С. 29–39. DOI: 10.22394/1726-1139-2019-1-29-39
55. Бухарин В.В. Компоненты цифрового суверенитета российской федерации как техническая основа информационной безопасности // Вестник МГИМО Университета. 2016. № 6 (51). С. 76–91.
56. Osipov V.S. Yellow brick road to digital state // Digital Law Journal. 2020. Vol. 1, № 2. P. 28–40. DOI: 10.38044/2686-9136-2020-1-2-28-40
57. Срничек Н., Уильямс А. Изобретая будущее: посткапитализм и мир без труда : пер. с англ. М. : Strelka Press, 2019. 336 с.
58. Floridi L. The Fight for Digital Sovereignty: What It Is, and Why It Matters, Especially for the EU // Philosophy & Technology. 2020. 33. P. 369–378. DOI: 10.1007/s13347-020-00423-6
59. Kar R., Haldar R. Applying Chatbots to the Internet of Things: Opportunities and Architectural Elements // International Journal of Advanced Computer Science and Applications. 2016. Vol. 7, is. 11. P. 147–154. DOI: 10.14569/IJACSA.2016.071119
60. Fryer L.K., Coniam D., Carpenter R., Lăpușneanu D. Bots for language learning now: Current and future directions // Language Learning & Technology. 2020. Vol. 24, is. 2. P. 8–22.
61. Albrecht K. *Social Intelligence: The New Science of Success*. NY. : Pfeiffer, 2009. 304 p.
62. Gratch J., Okhmatovskai A., Lamothe F., Marsella S., Morales M., van der Werf R.J., Morency L.P. Virtual rapport. Proceedings of International Workshop on Intelligent Virtual Agents. 2006. P. 14–27. DOI: https://doi.org/10.1007/11821830_2

Sergey V. Volodenkov, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation).
E-mail: s.v.cyber@gmail.com

Sergey N. Fedorchenko, Moscow State Regional University (Moscow, Russian Federation).
E-mail: s.n.fedorchenko@mail.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2021. 60. pp. 175–193.
DOI: 10.17223/1998863X/60/16

DIGITALIZATION OF THE CONTEMPORARY SPACE OF SOCIO-POLITICAL COMMUNICATIONS: SCIENTIFIC CONCEPTS, MODELS, AND SCENARIOS

Keywords: digitalization; mass consciousness; socio-political communication; digital power; socio-technical reality.

The reported study was funded by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 20-111-50445.

The article reviews scientific concepts, models, and scenarios related to the digitalization of contemporary social and political communication processes. The authors consider the main approaches to determining the content and features of the global digitalization impact on the transformation of socio-political practices. The article presents scientific positions regarding the role of digital technologies in contemporary public consciousness management. Special attention is paid to scientific scenarios of digital transformation and its impact on the traditional political system. Based on the analysis of scientific works, the authors identified the critical threats, risks, and challenges in ensuring state sovereignty and national security in the context of technological transformations. The research procedure and methods are based on a discourse analysis of Russian and foreign scientific works devoted to the socio-political aspects of contemporary digitalization and its role in the functioning and transformation of contemporary institutions of power, as well as on a critical analysis of the approaches proposed by contemporary political science to the study and understanding of the digitalization phenomenon. Simultaneously, discourse analysis, as the primary methodological optics, was used taking into account the principles of the hermeneutics of the existing scientific approaches. The discourse analysis of various scientific concepts, models, and scenarios of digitalization of social and political communications carried out in the course of the study allows the authors to conclude that the traditional social reality known to us is rapidly evolving into a new, socio-technical reality (phygital world), which has its own pronounced distinctive features. Based on the study results, the authors conclude that today the global architecture of a new socio-technical reality is being created in the world, based on the dominance of digital communication technologies in key spheres of life of the contemporary state and society. The work shows that many scientists, whose works were analyzed within the framework of the article, express serious concerns about the possibility of setting regimes of “soft dictatorships” based on control over information and communication processes in the socio-political space, on the formation of a distorted digital reality, on the reduction of opportunities for citizens to actively and consciously participate in contemporary political processes.

References

1. Isaev, I.A. (2021) “*Mashina vlasti*” v virtual'nom prostranstve (*formirovanie obraza*) [“Power machine” in the virtual space (image formation)]. Moscow: Prospekt.
2. Safronov, A.P. (2018) *Industrial'nyy avtoritarizm: poryadok sotsial'nogo prinuzhdeniya* [Industrial authoritarianism: an order of social coercion]. Moscow: Algoritm.
3. Hanna, N. (2018) A role for the state in the digital age. *Journal of Innovation and Entrepreneurship*. 7. pp. 1–16. DOI: 10.1186/s13731-018-0086-3
4. Mergel, I., Edelman, N. & Haug, N. (2019) Defining digital transformation: Results from expert interviews. *Government Information Quarterly*. 36(4). DOI: 10.1016/j.giq.2019.06.002
5. Smorgunov, V.L. (2019) Participatory governability: platforms and collaboration. *Vlast' – The Authority*. 27(5). pp. 9–19. (In Russian). DOI: 10.31171/vlast.v27i5.6712
6. Srnichek, N. (2020) *Kapitalizm platform* [Platform Capitalism]. Translated from English by M. Dobryakova. 2nd ed. Moscow: HSE.
7. Castells, M. (2011) A Network Theory of Power. *International Journal of Communication*. 5. pp. 773–787.
8. Akopov, G.L. (2014) *Internet i politika. Modernizatsiya politicheskoy sistemy na osnovanii innovatsionnykh politicheskikh internet-kommunikatsiy* [Internet and politics. Modernization of the political system based on innovative political Internet communications]. Moscow: KNORUS.
9. Dommett, K., Kefford, G. & Power, S. (2020) The digital ecosystem: the new politics of party organization in parliamentary democracies. *Party Politics*. February. pp. 1–11. DOI: 10.1177/1354068820907667
10. Gerbaudo, P. (2018) *The Digital Party: Political Organization and Online Democracy (Digital Barricades)*. London: Pluto Press.
11. Manovich, L. (2018) *Yazyk novykh media* [The Language of New Media]. Moscow: Ad Marginem Press.
12. Rodkin, P.E. (2016) *Media i sotsium. Tri popytki vskryt' sub"ekt vlasti: kriticheskiy ocherk* [Media and Society. Three Attempts to Uncover the Subject of Power: A Critical Essay]. Moscow: Sovpadenie.
13. Koehler, G. (2013) The new social media: chance or challenge for dialogue? *Polis. Politicheskie issledovaniya – Polis. Political Studies*. 4. pp. 75–87. (In Russian).

14. Bodrunova, S.S. (2020) Contributive action: socially mediated activities of Russians during the COVID-19 lockdown. *Media International Australia*. 177(1). pp. 139–143. DOI: 10.1177/1329878X20953536
15. Dean, J. (2014) Communicative Capitalism and Class Struggle. *Spheres: Journal for Digital Cultures*. 1. pp. 1–16. DOI: 10.25969/mediarep/3818
16. Meyer, T. (2001) *Mediokratie: Die Kolonisierung der Politik durch die Medien*. Frankfurt am Main: Suhrkamp.
17. Soloviev, A.I. (2004) Politicheskii diskurs mediakratiy: problemy informatsionnoy epokhi [Political discourse of media practices: problems of the information age]. *Polis. Politicheskie issledovaniya – Polis. Political Studies*. 2. pp. 124–132. DOI: 10.17976/jpps/2004.02.12
18. Beer, D. (2017) The social power of algorithms. *Information, Communication & Society*. 20(1). pp. 1–13. DOI: 10.1080/1369118X.2016.1216147
19. Lovink, G. (2019) *Kriticheskaya teoriya interneta* [Critical Theory of the Internet]. Translated from English by P. Torkanovsky, D. Lebedev. Moscow: Ad Marginem, Muzei sov. isk. "Garazh".
20. Coleman, S. (2018) *Mozhet li Internet ukrepit' demokratiyu?* [Can the Internet Strengthen Democracy?]. Translated from English by Yu.A. Kabanov, Yu.G. Misnikov, A.N. Ryabushko. St. Petersburg: Aleteyya.
21. Himanen, P. (2019) *Khakerskaya etika i dukh informatsionalizma* [The Hacker Ethics and the Spirit of Information Age]. Translated from English by D. Sirochenko. Moscow: AST.
22. Savaget, P., Chiarini, T. & Evans, S. (2019) Empowering Political Participation through Artificial Intelligence. *Science and Public Policy*. 46(3). pp. 369–380. DOI: 10.1093/scipol/scy064
23. Barbruk, R. (2015) *Internet-revolutsiya* [The Internet Revolution]. Translated from English. Moscow: Ad Marginem Press.
24. Bagdasaryan, V.E. & Baldin, P.P. (2020) Perspektivy razvitiya iskusstvennogo intellekta v aktual'noy povestke politicheskikh i sotsial'nykh riskov global'nykh transformatsiy [Prospects for the development of artificial intelligence in the current agenda of political and social risks of global transformations]. *Zhurnal politicheskikh issledovaniy – Journal of Political Research*. 4(2). pp. 10–22. DOI: 10.12737/2587-6295-2020-10-22
25. Witt, M.T. & Haven-Smith, L. de (2008) Conjuring the Holographic State: Scripting Security Doctrine for a (New) World of Disorder. *Administration & Society*. 40(6). pp. 547–585. DOI: 10.1177/0095399708321682
26. Barber, B.R. (1998) Three Scenarios for the Future of Technology and Strong Democracy. *Political Science Quarterly*. 113(4). pp. 573–589. DOI: 10.2307/2658245
27. McQuire, S. (2018) *Geomedia: setevye goroda i budushchee obshchestvennogo prostranstva* [Geomedia: Networked Cities and the Future of Public Space]. Translated from English. Moscow: Strelka Press.
28. Miroshnichenko, I.V. (2016) *Setevaya publichnaya politika i upravlenie* [Network public policy and management]. Moscow: Argamak-Media.
29. Shomova, S.A. (2016) *Ot misterii do strit-art. Ocherki ob arkhetyпах kul'tury v politicheskoy kommunikatsii* [From mystery to street art. Essays on the archetypes of culture in political communication]. Moscow: HSE.
30. Jeffares, St. (2014) *Interpreting Hashtag Politics. Policy Ideas in an Era of Social Media*. New York: Palgrave Macmillan UK.
31. Volodenkov, S.V. & Fedorchenko, S.N. (2018) Tsifrovye stigmaty kak instrument manipulyatsii massovym soznaniem v usloviyakh sovremennogo gosudarstva i obshchestva [Digital stigma as a tool for manipulating mass consciousness in a modern state and society]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 11. pp. 117–123. DOI: 10.31857/S013216250002791-3
32. Clark, W.R. & Golder, M. (2015) Big Data, Causal Inference, and Formal Theory: Contradictory Trends in Political Science? *PS: Political Science & Politics*. 48(1). pp. 65–70. DOI: 10.1017/S1049096514001759
33. Rogowsky, E. (2017) The U.S. Presidential Election: A Triumph of Information Technology Innovations. *Mezhdunarodnaya zhizn' – International Affairs*. 3. pp. 107–122. (In Russian).
34. Bykov, I.A. (2020) Iskusstvennyy intellekt kak istochnik politicheskikh suzhdeniy [Artificial Intelligence as a Source of Political Judgments]. *Zhurnal politicheskikh issledovaniy – Journal of Political Research*. 4(2). pp. 23–33. DOI: 10.12737/2587-6295-2020-23-33
35. Vasilkova, V.V. & Legostaeva, N.I. (2019) Social bots in political communication. *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Sotsiologiya – RUDN Journal of Sociology*. 19(1). pp. 121–133. (In Russian). DOI: 10.22363/2313-2272-2019-19-1-121-133
36. Ostapenko, A.G., Parinov, A.V., Kalashnikov, A.O. et al. (2020) *Sotsial'nye seti i destruktivnyy kontent* [Social networks and destructive content]. Moscow: Goryach. liniya – Telekom.

37. Keane, J. (2015) *Demokratiya i dekadans media* [Democracy and Media Decadence]. Translated from English by D. Kralechkin. Moscow: HSE.
38. Kuehn, K.M. & Salter, L.A. (2020) Assessing Digital Threats to Democracy, and Workable Solutions: A Review of the Recent Literature. *International Journal of Communication*. 14. pp. 2589–2610.
39. Sadowski, J. & Pasquale, F. (2015) The spectrum of control: A social theory of the smart city. *First Monday*. 20(7). DOI: 10.5210/fm.v20i7.5903
40. Emelin, V.A. (2017) *Identichnost' v informatsionnom obshchestve* [Identity in the Information Society]. Moscow: Kanon+ ROOI “Reabilitatsiya”.
41. Tishchenko, P.D. (2014) Rossiya 2045: kotlovan dlya avatara (Razmyshleniya v svyazi s knigoy “Global'noe budushchee 2045. Konvergentnye tekhnologii (NBIKS) i transgumanisticheskaya evolyutsiya”) [Russia 2045: a pit for an avatar (Reflections in connection with the book “The global future 2045. Convergent technologies (NBICS) and transhumanistic evolution”)]. *Voprosy filosofii*. 8. pp. 181–187.
42. Tomiltseva, D.A. & Zheleznov, A.S. (2020) Inevitable Third: Ethical and Political Aspects of Interactions with Artificial Agents. *Politiya: Analiz. Khronika. Prognoz (Zhurnal politicheskoy filosofii i sotsiologii politiki) – Politeia. The Journal of Political Theory, Political Philosophy and Sociology of Politics*. 4(99). pp. 90–107. (In Russian). DOI: 10.30570/2078-5089-2020-99-4-90-107
43. Dean, J. (2019) Kommunizm ili neofeodalizm? [Communism or neo-feudalism?]. *Logos*. 29(6). pp. 85–116.
44. Efremov, A.A. (2017) Formirovanie kontseptsii informatsionnogo suvereniteta gosudarstva [Formation of the state information sovereignty concept]. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*. 1. pp. 201–215. DOI: 10.17323/2072-8166.2017.1.201.215
45. Nechaev, V.D. & Belokonev, S.Yu. (2020) Digital Economy and Trends of Political Development in Modern Societies. *Kontury global'nykh transformatsiy: politika, ekonomika, pravo – Outlines of global transformations: politics, economics, law*. 13(2). pp. 112–133. (In Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-2-6
46. Pocheptsov, G.G. (2015) *Informatsionnye voyny. Novyy instrument politiki* [Information Wars. New Policy Tool]. Moscow: Algoritm.
47. Boyd-Barrett, O. (2018) *Media-imperializm* [Media Imperialism]. Translated from English. Kharkiv: Gumanitarnyy tsentr.
48. Innis, H.A. (2007) *Empire & Communications*. Toronto: Dundurn Press.
49. Bykov, A.Yu. (2008) Informatsionnaya sushchnost' geopolitiki [Informational essence of geopolitics]. *Kosmopolis*. 3(22). pp. 24–31.
50. Ignatiev, V.I. (2020) Sotsial'nye lokal'nosti v epokhu informatsionno-setevoy globalizatsii [Social locality in the era of information-network globalization]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 7. pp. 37–46. DOI: 10.31857/S013216250010024-9
51. Vinnik, D.V. (2014) Digital sovereignty: political and legal regimes of data filtration. *Filosofiya nauki – Philosophy of Sciences*. 2(61). pp. 95–113. (In Russian).
52. Zhukov, D.S. (2020) Iskusstvennyy intellekt dlya obshchestvenno-gosudarstvennogo organizma: budushchee uzhe startovalo v Kitae [Artificial intelligence for the public-state organism: the future has already started in China]. *Zhurnal politicheskikh issledovaniy – Journal of Political Research*. 4(2). pp. 70–79. DOI: 10.12737/2587-6295-2020-70-79
53. Bazhanova, S.V. & Syryamina, N.A. (2019) Independence of information resources as an element of information security of the state. *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tati-shcheva*. 2(3). pp. 5–12. (In Russian).
54. Kefeli, I.F. & Malmberg, S.A. (2019) State Information Capacity as Information Sovereignty Basis. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie – Administrative Consulting*. 1(121). pp. 29–39. (In Russian). DOI: 10.22394/1726-1139-2019-1-29-39
55. Bukharin, V.V. (2016) The Russian's digital sovereignty as a technical basis of information security. *Vestnik MGIMO Universiteta – MGIMO Review of International Relations*. 6(51). pp. 76–91. (In Russian).
56. Osipov, V.S. (2020) Yellow brick road to digital state. *Digital Law Journal*. 1(2). pp. 28–40. DOI: 10.38044/2686-9136-2020-1-2-28-40
57. Srnichek, N. & Williams, A. (2019) *Izobretaya budushchee: postkapitalizm i mir bez truda* [Inventing the Future: Post-Capitalism and a World Without Labor]. Translated from English. Moscow: Strelka Press.
58. Floridi, L. (2020) The Fight for Digital Sovereignty: What It Is, and Why It Matters, Especially for the EU. *Philosophy & Technology*. 33. pp. 369–378. DOI: 10.1007/s13347-020-00423-6

59. Kar, R. & Haldar, R. (2016) Applying Chatbots to the Internet of Things: Opportunities and Architectural Elements. *International Journal of Advanced Computer Science and Applications*. 7(11). pp. 147–154. DOI: 10.14569/IJACSA.2016.071119
60. Fryer, L.K., Coniam, D., Carpenter, R. & Lăpușneanu, D. (2020) Bots for language learning now: Current and future directions. *Language Learning & Technology*. 24(2). pp. 8–22.
61. Albrecht, K. (2009) *Social Intelligence: The New Science of Success*. New York: Pfeiffer.
62. Gratch, J., Okhmatovskai, A., Lamothe, F., Marsella, S., Morales, M., van der Werf, R.J. & Morency, L.P. (2006) Virtual rapport. *Proceedings of International Workshop on Intelligent Virtual Agents*. pp. 14–27. DOI: 10.1007/11821830_2